

За день до похорон Ли Жун отпросился у Ян Фанфан и первым делом отправился к бабушке.

Старушка жила в зоне экономического развития — в элитном жилом комплексе с прекрасным озеленением и развитой инфраструктурой. Юноша не бывал здесь целую вечность.

В прошлой жизни после трагедии родственники избегали его как чумного, а он, не желая навязываться и ловить на себе полные неприязни взгляды, со временем и вовсе оборвал все связи. Поначалу бабушка звонила ему несколько раз, но лишь для того, чтобы в очередной раз предостеречь: веди себя тихо, не высывайся, не смей никому перечить и помни, что твоё положение теперь совсем не такое, как у других.

Казалось, он остался в живых лишь для того, чтобы нести клеймо позора за родителей и искупать их грехи, ступая по тонкому льду. Позже все его силы, свободные от работы, уходили на изматывающие отношения с Цэнь Сяо, и на общение с семьёй просто не оставалось ресурса.

Ли Жун подошёл к двери и нажал на звонок.

Открыл ему Гу Тянь. Стоило кузену увидеть гостя, как он тут же закатил глаза. Заглянув внутрь, Ли Жун обнаружил, что гостиная забита родственниками — как знакомыми, так и теми, чьи лица едва всплывали в памяти. Очевидно, Гу Тяня просто заставили выполнять роль швейцара, и сам он был от этого не в восторге.

— И надо же, явился позже всех, — буркнул парень, не отрываясь от телефона. — Можно подумать, это не в твоей семье несчастье случилось.

Несмотря на преклонный возраст, слух у старушки был отменный. Услышав ворчание внука, она резко бросила:

— Что за чушь ты несёшь?

Гу Чжаонянь, не выдержав, глубоко вздохнул. На его лице застыло раздражение.

— Ладно, мама, все в сборе. Давай обсудим план. Мне ещё машину шефу подавать, скоро нужно возвращаться.

Старушка, задетая за живое, тут же принялась причитать:

— Всю жизнь в шофёрах проходил, никакого толку от тебя.

Вены на лбу мужчины вздулись, но он проглотил обиду. Возить ректора Университета А — работа, о которой многие могли только мечтать, но мать всегда смотрела на него свысока. Утихомирив сына, бабушка тут же переключилась на Ли Жун, замершего с ледяным спокойствием.

— Столько времени прошло, а ты даже не заглянул! И чем ты только занят?

Остальные родственники тут же подхватили на разные лады:

— И то верно, совсем о родителях не думает, всё на плечи пожилого человека взвалил.

— Восемнадцать лет уже, взрослый парень, пора бы и ответственность на себя брать.

— Избаловали ребёнка этой учёбой, ни капли уважения к старшим. Старушка из сил выбивается, а от него ни помощи, ни сочувствия.

— Нынешняя молодёжь вся такая — никакого чувства долга.

Голоса сливались в нестройный, раздражающий гул, похожий на кваканье лягушек в густой траве жарким летом. Ли Жун не воспринимал их всерьёз. В ближайшие годы его пути с этими людьми не пересекутся вовсе, хотя сейчас они вели себя так, будто судьба его родителей волновала их больше, чем его самого.

— Раз уж прошло столько времени, — с лёгкой улыбкой перебил их юноша, — почему же никто из вас не нашёл возможности заглянуть ко мне?

В гостиной мгновенно воцарилась тишина. Они не «не могли», они боялись — боялись впутаться в неприятности, боялись косых взглядов. В первые дни после трагедии новости из больницы просочились в сеть, и толпы репортёров осаждали их дом. Блогеры спешили сделать фото на фоне особняка, раздувая скандал и соревнуясь в праведном гневе. Пользователи интернета неистовствовали, и даже полиция с трудом сдерживала вездесущих журналистов.

Родственники боялись попасть в кадр, боялись ассоциаций, боялись ответственности. Они ждали, пока утихнет шум, и не смели приближаться к дому. Ли Жун не винил их — никто не обязан становиться мишенью для необоснованной травли, даже если вас связывают узы крови. Но он не считал, что у них есть право читать ему нотации с высоты своего мнимого морального превосходства.

Бабушка нахмурилась, и морщины на её лице стали казаться ещё глубже.

— Что за слова? Ты хочешь, чтобы мы всей толпой стояли там и причитали? Мало нам позора?

Улыбка Ли Жуна исчезла.

— Мои родители всю жизнь прожили с чистой совестью, — холодно отрезал он. — В чём здесь позор?

— В том, что они перешли кому-то дорогу! — жёстко ответила старушка. — У твоей матери был невыносимый характер. Я сотни раз твердила ей: умей ладить с руководством, будь гибкой, подстраивайся под общество. Она не слушала. Не принимать мир таким, какой он есть, не имея сил его исправить — это тоже своего рода грех!

Гу Чжаонянь вздрогнул и поспешил вмешаться:

— Мама, такие вещи можно обсуждать только между своими! Зачем ты говоришь это ребёнку? Хочешь, чтобы он натворил дел?

— Я хочу, чтобы он всё осознал и не повторил ошибок родителей! — в сердцах выкрикнула она.

Ли Жун долго молчал, глядя в помутневшие, влажные глаза бабушки.

— Раньше я тоже думал, — медленно произнёс он, — что если доброта не умеет себя защитить, то она не является добродетелью. Но однажды в школе я увидел на стене цитату: «Раз так было всегда, значит ли это, что так правильно?» И тогда я понял: доброта не виновата. Виноваты торговые палаты и исследовательский институт «Хунсо», которые не смогли её защитить.

Поэтому он добьётся не только того, чтобы его родители ушли с миром и добрым именем. Он сделает так, чтобы те, кто не достоин своей власти, с грохотом рухнули со своих пьедесталов.

Дядя побледнел.

— Ты хоть понимаешь, какую чепуху несёшь?! — прошипел он. — Если решил сойти с ума, не впутывай нас!

— Весь в мать, такая же непроходимая глупость, — презрительно бросила старушка.

Ли Жун не злился. Он просто осознал, что говорить им больше нечего.

***

Прощание организовали в небольшой церкви неподалёку от кладбища.

Ли Цинли и Гу Нун не были верующими, но старушка с годами всё чаще болела и, сама не зная

когда, пристрастилась к молитвам. Церковь располагалась на отшибе, а убранство ритуального зала было подчёркнуто скромным. Бабушка настаивала на максимальной конфиденциальности — без лишнего шума и проблем.

Время похорон сообщили только в узком кругу друзей и коллег. Многолюдной толпы не ожидали, поэтому даже поминальный обед устраивать не стали.

В тот день шёл мелкий, морозящий дождь. Для такой стужи весенняя свежесть капель была редкостью. Перед приходом гостей старушка, благочестиво сложив руки, что-то шептала, призывая небеса простить Ли Цинли и Гу Нун их грехи и даровать им покой в лучшем мире.

Ли Жун, одетый в строгий чёрный костюм, чувствовал, как холод просачивается сквозь ткань. Его руки и ноги быстро онемели. С безразличием наблюдая за религиозным рвением бабушки, он отодвинул стул и сел в стороне.

Закончив молиться, она обернулась к нему:

— Подойди. Помолись за родителей, пусть боги присмотрят за ними.

Ли Жун нашёл это предложение почти комичным. Люди мертвы, какая им теперь разница, кто и за кем присматривает? Он лишь едва заметно улыбнулся и прямо ответил:

— Я в это не верю.

Старушка не понимала, почему внук, которым раньше гордилась вся семья, стал таким невыносимым.

— Не смей повышать голос в святом месте! — прошипела она. — Кому же тебе верить сейчас, если не богам?

Юноша поднял взгляд на возвышавшуюся над залом статую.

— Я верю только в себя, — невозмутимо произнёс он.

— Ты...

Такие слова старушка уже слышала — и от дочери, и от зятя. Но Ли Жун был на них не похож. В глазах его матери и отца тогда сияли надежда и свет; их идеализм, хоть и казался наивным, согревал.

Но не этого мальчика. Его взгляд заставлял её сердце сжиматься от необъяснимой тревоги,

холод пробирал до костей. На миг ей почудилось, будто в теле её внука поселился кто-то чужой.

В зал быстро вошёл Гу Чжаонянь.

— Мама, приготовься, люди идут.

Старушке было некогда раздумывать. Она поспешно расставила родственников в ряд и подтолкнула Ли Жуна вперёд, к самому началу очереди.

Ли Жун не собирался кланяться. Он знал: как бы близки эти люди ни были с его родителями, какой бы вес ни имели в институте «Хунсо», все они предпочли промолчать, пока разыгрывался этот нелепый спектакль с клеветой.

Единственное, чего он не ожидал, так это того, что первым войдёт Цзян Вэйдэ — наставник, с которым он проработал бок о бок почти два года. Ли Жун на миг оцепенел: в прошлой жизни учитель никогда не упоминал, что был на похоронах его родителей.

В это время Цзян Вэйдэ уже занимал видное положение в институте. Сейчас он выглядел моложе: седина на висках едва проступила, а морщины были почти незаметны. Из-за вечной слабости и отсутствия движения на его широком лбу проступала испарина. На шее белел едва заметный шрам — след после удаления узлов щитовидной железы.

Ли Жун непроизвольно разомкнул губы, едва не окликнув его: «Учитель».

Но нынешний Цзян Вэйдэ не знал его. Старик со скорбным видом посмотрел вперёд и тяжело вздохнул. Закрыв глаза, он отвесил глубокий поклон и долго не разгибался. Когда он наконец выпрямился, его лицо слегка покраснело от прилива крови.

Гу Чжаонянь, узнав профессора, тут же расплылся в подобострастной улыбке и поспешил навстречу.

— Профессор Цзян, какая честь, что вы пришли в такой дождь! Мы слышали, вы недомогали в последнее время. Ваше внимание крайне ценно, пожалуйста, берегите себя.

Цзян Вэйдэ выглядел растерянным.

— А вы?..

— Я брат Гу Нун, меня зовут Гу Чжаонянь. Я работаю в Университете А, часто вижу вас в ректорате. Пожалуйста, присядьте, отдохните.

Цзян Вэйдэ замахал руками.

— Нет-нет, не нужно. Я просто пришёл навестить старых друзей.

Ли Жун слегка вскинул бровь.

«Старых друзей»

Раньше он и не подозревал, что его родители были лично знакомы с наставником. Даже если они и упоминали друг друга, то всегда официально и отстранённо. Впрочем, это было логично: родители были намного моложе профессора, руководили собственной компанией и вряд ли имели много общих тем с кабинетным учёным.

Старушка тихо кашлянула, давая понять Ли Жуну, что пора поклониться в ответ. Он проигнорировал её и сделал два шага навстречу профессору.

— Учитель Цзян, — негромко произнёс он.

Заявку на проект GT201 одобрял лично Цзян Вэйдэ. Жаль только, что увидеть результат ему было не суждено.

Профессор взглянул на него.

— Это, должно быть, сын профессора Ли и профессора Гу? — Взгляд Цзян Вэйдэ потеплел. Он ободряюще похлопал юношу по плечу. — Ты должен усердно трудиться, чтобы стать гордостью своих родителей.

Цзян Вэйдэ научил его многому, помог избежать множества ошибок. Ли Жун чувствовал, что наставник отдавал ему все свои знания без остатка.

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Хорошо. Спасибо вам.

Профессор, кажется, не ожидал, что в такой обстановке юноша сможет так непринуждённо улыбаться. Ли Жун вёл себя так, словно они просто столкнулись в коридоре института и обмениваются привычными приветствиями.

Лицо старушки потемнело. Она сочла поведение внука верхом бестактности: профессор Цзян был намного старше его родителей, а Ли Жун вёл себя с ним как с равным. Ей хотелось отчитать его, но юноше было плевать на её мнение. Этот самовольный стиль поведения, по её

мнению, позорил не только память родителей, но и всю семью Гу.

Сам же Цзян Вэйдэ не придавал этому значения. Его лишь смутило отсутствие скорби на лице юноши, и он замялся, не зная, стоит ли предлагать утешение. В этот момент вошёл следующий гость.

Этого человека Ли Жун не знал.

На вид он был ровесником Цзян Вэйдэ, но выглядел крайне истощённым: выступающие скулы, впалые щёки, обвисшая кожа, обтягивающая кости. Над бровью виднелось заметное красное родимое пятно. В таком возрасте худоба обычно выдаёт усталость, но этот человек казался на редкость бодрым — глаза его сверкали ярче, чем у профессора. Несмотря на крепкую походку, в руках он сжимал тёмно-коричневую трость. На нём был безупречно застёгнутый чёрный френч, а из нагрудного кармана выглядывала старая стальная ручка.

Простая одежда, скромный вид, заурядная внешность и невысокий рост. Он настолько терялся в толпе, что даже Гу Чжаонянь, всегда искавший выгоду в знакомствах, не проявил к нему интереса. Зато Цзян Вэйдэ отступил на пару шагов, освобождая место новоприбывшему.

— Вы?.. — начал Гу Чжаонянь.

Гость прищурился, и его лицо озарила кроткая, добродушная улыбка.

— Меня зовут Чжан Чжаохэ. Я из Института биотехнологий Университета А. Раньше работал в одном корпусе с профессором Ли, он вёл занятия у моего класса. Услышал, что сегодня прощание, и поспешил прийти. Хорошо, что успел.

— А, — разочарованно протянул Гу Чжаонянь.

Годами работая водителем ректора, он прекрасно знал внутреннюю иерархию вуза. Ежегодно институт набирал шесть-восемь групп, и за каждой закрепляли куратора из числа лекторов. Лекторы читали лишь вводные курсы, а профильные дисциплины вели профессора уровня Ли Цинли. Тот факт, что в столь почтенном возрасте этот человек оставался простым куратором, говорил о полном отсутствии научных достижений. Вероятно, он просто доживал свой век в университете, пользуясь стажем. Раз он узнал о похоронах по слухам, значит, и близким другом семьи он не был. Интерес дяди мгновенно угас.

Зато Ли Жун слышал об этом человеке. После поступления в Университет А студентов распределяли по группам на основе экзаменов. Лучшие попадали в первую группу, получая гранты, стажировки за рубежом и элитных преподавателей. Чжан Чжаохэ же всегда курировал «хвост» — последнюю группу, из которой мечтали вырваться даже те, кто поступил по блату. Говорили, что он добряк, ставит высокие баллы и никогда не конфликтует, но совершенно не умеет держать дисциплину. Его лекции посещали меньше сорока процентов студентов, а те, кто приходил, занимались чем угодно, только не учёбой. Чжан Чжаохэ же, словно не замечая

хаоса, монотонно читал материал, существуя с учениками в параллельных мирах. Но даже при таком отношении у него не поднималась рука ставить прогульщикам неуды. Студенты шептались: старик Чжан — человек золотой, но в его группе деградирует даже гений.

В прошлой жизни Ли Жун — воплощение усердия и таланта — разумеется, никак с ним не пересекался.

Чжан Чжаохэ отставил трость и отвесил почтительный поклон. Закрыв глаза, он долго что-то шептал. Когда он снова взглянул на зал, в его глазах стояли слёзы. Губы старика дрожали, он явно хотел сказать что-то ещё, но Гу Чжаонянь уже радостно приветствовал нового гостя.

— Профессор Ли! И вы здесь!

О Чжане Чжаохэ забыли так же легко, как забывали его студенты на лекциях. Но, привыкший к такому обращению, он лишь добормотал свои слова и тихонько отступил в самый тёмный угол.

Ли Байшоу тем временем старательно вытирал капли дождя со лба и счищал грязь с ботинок о входной коврик. Он скромно махал рукой, призывая Гу Чжаоняня не суетиться, но делал это так медленно, словно намеренно приковывал к себе всеобщее внимание.

Ли Жун отвёл взгляд от Чжана Чжаохэ и прищурился, молча наблюдая за Ли Байшоу.

Тот наконец привёл обувь в порядок, выпрямился, поправил одежду и с важным видом вошёл внутрь. Краем глаза он заметил Цзян Вэйдэ, но демонстративно отвернулся, оставив профессора, уже собравшегося кивнуть, в неловком положении. Чжана Чжаохэ он и вовсе не удостоил даже мимолётного взгляда.

Ли Жун прекрасно знал: Ли Байшоу люто завидовал Ли Цинли и ненавидел Цзян Вэйдэ. Он завидовал каждому, чьи научные успехи были выше, чья карьера шла в гору без лишних препятствий. Если бы ему удалось завладеть той гипотезой, его статус в институте «Хунсо» стал бы вторым после Цзян Вэйдэ.

Но в этой жизни он ничего не получит.

Сам Ли Байшоу об этом и не подозревал. Он полагал, что из-за повышенного внимания общественных организаций следственная группа работает в усиленном режиме, и он просто не может найти момент, чтобы забрать жёсткий диск. Но пройдёт время, люди из торговой палаты «Ланьшу» уйдут, пыль уляжется, контроль ослабнет — и тогда ему, как бывшему коллеге Ли Цинли, не составит труда получить доступ к данным.

Ли Цинли был слишком доверчив. Перед самой трагедией он обмолвился, что логика новой гипотезы выстроена, осталось лишь провести финальную проверку деталей, и можно

публиковать статью. Ли Байшоу одновременно ненавидел своего коллегу и безгранично верил в его гениальность. Раз Ли Цинли придавал этой работе такое значение, значит, результат обещал стать сенсацией.

Ли Жун криво усмехнулся. Сплетни, которые компания «Фэнгуан Вэньхуа» распускала о его родителях, всё ещё стояли перед глазами. То, что Ли Байшоу осмелился явиться в этот зал, доказывало лишь одно — его бесстыдство не знает границ.

Заметив на лице юноши улыбку, в которой не было ни капли дружелюбия, Ли Байшоу нахмурился. Он почувствовал себя оскорблённым, но в присутствии свидетелей и перед портретами покойных не решился на конфликт. Он быстро поклонился и громко, с дрожью в голосе, вздохнул:

— Дружище Ли, я пришёл проводить тебя!

Ли Жун вскинул бровь и указал на табличку на стене:

— Потихе, пожалуйста. Не стоит кричать в святом месте. — Он невинно перевёл взгляд на старушку: — Верно я говорю, бабушка?

Ли Байшоу замер. Весь его пафос, который он так старательно нагонял, мгновенно испарился, оставив в груди лишь глухое раздражение. Давление у старушки подскочило, она прижала ладонь ко лбу, тяжело дыша. Стоявшая рядом родственница тут же подхватила её под руку, бросив на Ли Жуну укоризненный взгляд.

Учёный подавил ярость и, вернув лицу скорбное выражение, заговорил тише:

— Старина Ли, покойся с миром. Если твоей семье что-то понадобится, я не останусь в стороне. Твоё дело, твои исследования — я продолжу их за тебя...

Он распинался так искренне и долго, что даже Гу Чжаоняню стало неловко. Дядя искренне верил, что перед ним — преданный друг семьи. Но Ли Жун слышал в этих словах совсем иной подтекст.

Он шагнул вперёд и, прищурившись, спокойно изучил профиль Ли Байшоу.

— Кроме науки, — небрежно бросил он через пару секунд, — мои родители спонсировали коррекционную школу в Юйчжоу. Ты ведь и это дело продолжишь, не так ли?

Ли Байшоу на мгновение встретился с ним взглядом, после чего презрительно отвернулся.

— Разумеется, я всегда поддерживал благотворительность, — жёстко ответил он. — Долг

каждого достойного человека — заботиться о мире, когда он достиг успеха.

Племянник Ли Цинли вызывал у него только неприязнь. В прошлую встречу он пытался быть любезным, но юноша не проявил ни капли уважения. Казалось, смерть родителей его совсем не тронула — типичный избалованный мажор.

«Интересно, за что его так хвалил Ли Цинли?»

Ли Жун едва заметно нахмурился, не сводя глаз с собеседника. Но тот и не думал воспринимать школьника всерьёз. Он повернулся к Гу Чжаоняню, который всё ещё смотрел на него с обожанием:

— В лаборатории горят проекты, студенты ждут, мне пора возвращаться. Увы, наука не терпит промедления.

В этих словах сквозило желание уколоть Ли Жуна, отомстить за его дерзость. Ли Цинли и Гу Нун больше нет, а он всё так же уверенно идёт по пути прогресса. Что толку в былых успехах, если карьера Ли Цинли на этом закончена?

Юноша промолчал, лишь загадочно улыбнувшись. Ли Байшоу, полный амбиций, и не догадывался, что следующие шесть лет он проведёт, запершись в стенах лаборатории. Он будет биться над гипотезой Ли Цинли, тщетно пытаясь воплотить её в жизнь, но так и не создаст ничего своего. Он никогда не был ровней профессору Ли.

Ли Байшоу ушёл с высоко поднятой головой. После него потянулись другие — церемония затянулась до самого вечера. Ли Жун продрог до костей, его губы посинели от холода. Лишь когда туман в горах рассеялся, а облака разошлись, пропуская холодный солнечный свет на раскисшую землю, он проводил последнего гостя.

Старушка, крайне недовольная его поведением, уже приготовилась отчитать его за закрытыми дверями, но Ли Жун, не глядя на неё, зашагал к выходу.

— Ты даже не поклонился у могилы! — крикнула она ему в спину, не смея шуметь в церкви.

Он словно не слышал её. Юноша не хотел идти туда — к этому захолустному участку на краю кладбища, заросшему сорняками. Его родители жили честно и ушли с чистой совестью, им нечего было скрывать. Когда виновные заплатят за всё, а правда выйдет наружу, он сам заберёт их отсюда.

Выйдя из церкви, Ли Жун невольно замер.

Цэнь Сяо стоял у единственной дороги, ведущей от храма. На нём был безупречный строгий костюм, а привычная цепочка на шее отсутствовала. В руках он держал объёмный, тёплый

пуховик.

Ли Жун открыл рот, но слова застряли в горле. Он не знал, когда приехал Цэнь Сяо и сколько простоял на улице, но тот не пытался войти. Он просто ждал, ободряя его спокойным взглядом.

Юноша едва заметно покачал головой.

«Этот человек... разве он не говорил, что не придёт?»

Впрочем, когда он спрашивал, то и сам не хотел его присутствия. Их запутанные отношения были последним, что стоило демонстрировать родителям так рано.

Ли Жун подошёл к машине. Он хотел что-то сказать, но зубы его начали мелко выстукивать дробь. Цэнь Сяо нахмурился, одним движением развернул пуховик и набросил его на плечи юноши.

— Почему ты так замерз?

Куртка была великовата, она доходила Ли Жуну до колен, мгновенно отсекая ледяной воздух. Юноша, почти не чувствующий конечностей, втянул голову в плечи и тяжело закашлялся.

— Когда ты приехал? — спросил он севшим голосом.

— Не помню, — бросил Цэнь Сяо, открывая дверь и буквально заталкивая укутанного юношу в салон.

Внутри работал обогреватель. Тёплый воздух ударил в лицо, и на ледяных щеках Ли Жуна тут же выступила испарина. Он прижал ладони к дефлектору, растирая онемевшие суставы. Он знал: Цэнь Сяо не мог «не помнить» времени. Если он так говорит, значит, приехал ещё утром.

Шмыгнув носом, Ли Жун спросил:

— Ты что-то узнал?

Раз Цэнь Сяо приехал лично, дело должно быть важным. В конце концов, на похоронах были люди из «Хунсо», и ему следовало бы избегать лишних встреч.

Цэнь Сяо закрыл дверь, сел за руль и странно посмотрел на него:

— Что я должен был узнать?

Ли Жун замер. Он поднял взгляд, и в его глазах отразилось недоумение. Если новостей нет, то зачем он здесь? Впрочем, этот вопрос он задал лишь про себя.

— Что-то случилось? — нахмурился Цэнь Сяо.

Ли Жун помедлил, а затем медленно покачал головой. Он плотнее запахнул пуховик и уткнулся носом в воротник.

— Спасибо за тепло, — мягко произнёс он. — Если бы не ты, я бы поехал напрямиком в больницу.

От одежды пахло не табаком, который он так не любил в прошлой жизни, а едва уловимым ароматом гардении.

<http://bllate.org/book/15351/1422521>